

**О.Г. Зимина,
научный сотрудник ТГОМ,
заслуженный работник культуры РФ**

«...Обиды не страшась, не требуя венца...»¹
(Памяти коллеги, наставницы, друга).

В сентябре 2015 года ТГОМ и, в особенности, все его литературные филиалы понесли огромную потерю – ушла из жизни создательница большей части из них Людмила Арсеньевна Казарская, старейший музейщик Тверской области, заслуженный работник культуры.

Она родилась в Калининне в 1928 году.

Ее отец, Арсений Васильевич Голодаев, вместе с несколькими крестьянскими ребяташками воспитывался в Луганове, в доме Дьяковых. Во второй половине 19 века для Варвары Александровны Бакуниной, в замужестве Дьяковой, был построен деревянный дом с мезонином, до нашего времени не сохранившийся. Там она пыталась построить мир музыки, поэзии, философии по типу прямухинского. В начале 20 века Луганово стало известным в России центром по распространению революционных идей. В такой атмосфере мальчик получил хорошее начальное образование, позволившее ему позже закончить не только школу, но и энергетический техникум. Дьяковы старались привить детям высокие моральные принципы, желание служить отечеству. Арсений сформировался как высококонравственный и интеллигентный человек. Всю жизнь он проработал в Калининэнерго инженером, а свои жизненные установки передал единственной дочери.

Мария Ивановна, мать Людмилы Арсеньевны, тоже из крестьян, окончила школу П.П. Максимовича, а потом там же и преподавала. Позже она работала в вечерней школе, а после войны многие годы учила детей начальных классов.

Арсений Васильевич и Мария Ивановна поженились в 1925 году, а через 3 года у них родилась дочь.

Семья Голодаевых имела комнату в доме по улице Желябова, 30 (до революции улица Козьмодемьяновская), бывшем доме Ф.Н. Глинки.

¹ А.С. Пушкин. «Я памятник воздвиг себе нерукотворный...» Цитируется по книге «А.С. Пушкин. Сочинения»

Правда, сначала это была не комната, а место между 1 и 2 этажами в парадном коридоре. Хозяйство было более, чем скромное. Спали молодожены тут же на сундуке. Комнату они получили значительно позже. В начале 20 века в доме жили Арфановы и, в полученной Голодаевыми комнате, от них осталась мебель середины 19 века. У внуков Голодаевых кресла, столик и другие предметы обстановки сохранились до настоящего времени.

В 70 - е годы прошлого века нам приходилось бывать в доме родителей Людмилы Арсеньевны. Мне запомнились остатки украшений интерьера середины 19 века – богатая лепнина на потолке и стенах, интересные конфорки и дверка печи (к тому времени в доме было центральное отопление, но печь не разобрали), окна с золочеными шпингалетами и такие же дверные ручки. Людмила Арсеньевна оставила подробное описание родительского жилища уже будучи сотрудником музея, но в юные годы она и не предполагала, что музеем отдаст всю себя.

Люся Голодаева ходила в знаменитую шестую школу. Среди ее одноклассников был поэт Андрей Дементьев. Люся восхищалась талантливым мальчиком, а позже следила за публикациями поэта и очень радовалась его успехам.

Среди самых ярких ее школьных воспоминаний был День победы, 9 мая 1941 года. Людмила Арсеньевна рассказывала нам, как после объявления по радио об окончании войны люди выходили из домов, никем не организованные и не построенные, они собирались в колонны и двигались через весь город, приветствуя и поздравляя друг друга. Она вспоминала, что пережила ни с чем не сравнимое счастье, чувство единения и гордости за свою страну.

Сочинение на аттестат зрелости девушка написала в стихах. По окончании школы она отправилась в Ленинград, где с честью выдержала вступительные экзамены на филологический факультет ЛГУ по специальности русский язык и литература. Сочинение она написала на «отлично» – случай вообще в вузах довольно редкий, а на филологическом факультете тем более.

О годах учения Людмила Арсеньевна всегда вспоминала с восторгом. Ей посчастливилось быть студенткой Г.А. Гуковского. Как драгоценную реликвию она хранила конспекты лекций профессора, а теперь эту заветную тетрадку хранят ее дети.

Она часто вспоминала преподавательницу немецкого языка, выпускницу Смольного института. Мы запомнили, что ее звали Амалия, ей было за 70.

Сухонькая маленькая старушка с букольками, она учила студентов по Лессингу и зажимала уши, оберегая себя от их варварского произношения.

Людмила Арсеньевна рассказывала нам, что была зубрилой, в бурной жизни университета принимала участие не очень активное, каждую минуту старалась что-то подучить и почитать. Она вспоминала юмористический рисунок в студенческой стенгазете – студент сгибается под тяжестью огромной стопки книг. У него спрашивают: «Это книги для прочтения?» «Нет, отвечает он, это списки книг, которые надо прочитать.»

После окончания университета ее направили в Вязьму, где она по распределению отработала по специальности в средней школе несколько лет. Она старалась передать своим ученикам хотя бы часть того, что получила от своих педагогов.

Отработав положенные годы, Людмила Арсеньевна вернулась в Калинин к родителям. Она вела занятия по русскому языку и литературе для офицеров, желающих продолжить свое образование. Один из них, лейтенант Виктор Казарский, обратил на себя ее внимание особой заинтересованностью ее предметом, хорошей подготовкой, грамотностью.

Молодые люди стали встречаться и в 1955 году поженились. Сначала у них появилась дочь Галина, а через несколько лет сын Сергей.

Офицерская судьба такова, что Казарским пришлось поехать по городам и весям СССР и Венгрии. В 60-е годы они вернулись в Калинин. Многие годы Виктор Аврамович служил в Суворовском училище, а Людмила Арсеньевна некоторое время работала корректором в газете «Калининская правда».

В музей она пришла в 1965 году, не предполагая, что в ее жизни начинается необыкновенная пора. Местом ее работы стал отдел советской истории. Ей пришлось заниматься музеем В.И. Ленина в Белом, медицинским музеем в Калининне. Главное дело ее жизни – музей А.С. Пушкина – было еще впереди.

Многие годы, еще до служебных перемещений Казарской, ученые, краеведы и просто любители литературы ратовали о музеефикации связанных с именем поэта мест Калининской области. Решение о создании музея в Старицком районе зрело в кабинетах руководства области в конце шестидесятых годов прошлого века. В то время директором Калининского музея стал И.М. Бружеставицкий, человек высочайшей культуры, энциклопедически образованный, энтузиаст музейного строительства. Рождение музеев поэта в нашей области, да и вообще литературных филиалов, в первую очередь мы связываем с его именем.

В 1970 году постановление о создании музея в Бернове было получено. Выбор научного сотрудника для сбора экспонатов и дальнейшей работы в этом направлении пал на Казарскую можно сказать случайно – она одна в маленьком коллективе тогдашнего краеведческого музея имела филологическое образование. И никто не мог тогда предположить, насколько этот выбор был удачен.

Для работы по созданию музея директор ГМП А.З. Крейн прислал в нашу глушь группу поддержки – научного сотрудника ГМП, крупного пушкиниста С.Т. Овчинникову и художника - оформителя Ю.Л. Керцелли.

Москвичи внесли огромный вклад и в создание берновского музея, и в создание музея А.С. Пушкина в Торжке, а Юрий Леонидович позже помогал нам в Завидове (музей С.Д. Дрожжина), в Бежецке (музей В.Я. Шишкова), в Твери (музей М.Е. Салтыкова – Щедрина). Но главным двигателем дела Пушкина на Тверской земле была безусловно Людмила Арсеньевна.

Масштаб ее деятельности огромен – она на пустом месте собрала коллекцию для 2 - х этажей дома Вульфов и для дома Олениных. Это мебель, бытовые предметы, документы, изобразительные материалы, книги, альбомы и многое другое, где мемориальные предметы (особенно в Бернове) занимают не последнее место.

Все помнят, что первая экспозиция в Бернове открылась в парке, в деревянном доме. Ее концепцию разработала С.Т. Овчинникова. Она же – автор первых выставок в Торжке.

Но когда дом Вульфов передали нам, Людмила Арсеньевна уже руководила работами самостоятельно. Претерпевшая реэкспозицию и несколько раз подновленная берновская экспозиция – это любимейшая ее работа, предмет ее особой заботы и гордости. Она же создала концепцию музея дороги А.С. Пушкина из Петербурга в Москву, существующую в Торжке и сейчас.

Нельзя не отметить, что Казарская, как магнитом, притягивала к себе необыкновенных людей. Первой заведующей в Бернове стала С.П. Орлова. Эти две подвижницы сразу поняли и полюбили друг друга.

Серафима Павловна сумела придать деятельности музея уровень, соответствующий экспозиции. Помимо экскурсий здесь сразу стали проводиться чтения и самые разнообразные мероприятия. Их активным участником до сегодняшнего дня является О.П. Степанова. Позже в музей пришли Т.П. Кочнева, Е.А. Сметанникова, Е.Н. Рыхло и др. Все они внесли свой вклад в изучение Бернова и окрестностей, все успешно помогали в поисках новых экспонатов. Благодаря их труду в дом Вульфов вернулись некоторые разошедшиеся по округе бытовые предметы.

То же можно сказать и о музейщиках Торжка. Вспомним глубоко оригинальный талант Т.В. Горох, творческие начинания Т.В. Рыжиковой. Они и их коллеги еще в 70 - годы организовали работу так, что этот филиал стал одним из самых посещаемых в объединении, а их опыт работы с посетителями изучался в советские годы на уровне НИИ культуры. Такого слова как интерактив мы тогда не знали. Но то, что уже тогда делали в Торжке, успешно практикуется в музеях 21 века.

Хочется отметить, что и сегодня все музейщики и в Торжке, и в Бернове продолжают замечательные традиции, заложенные Людмилой Арсеньевной. В августе они принимали коллег из пушкинских музеев страны и зарубежья. Гости отметили грамотные и красивые экспозиции, слаженную и четкую работу всех сотрудников, обеспеченную Н.В. Фокиной и В.А. Громовой, блестящие, глубоко профессиональные, экскурсии Н.В. Фокиной и Н.Е. Рыхло.

Пушкинские музеи были любимым детищем Казарской, но не единственным. В 70-е годы она приняла участие в реэкспозиции музея С.Д. Дрожжина в Завидове и в создании музея В.Я. Шишкова в Бежецке.

Музей Дрожжина за эти годы несколько раз ремонтировался и обновлялся, но основа литературной экспозиции, предложенная Людмилой Арсеньевной сохранена.

Шишковский музей начинался без Казарской. Его структура была уже разработана, мемориальная часть коллекции скомплектована. Но без Людмилы Арсеньевны не обошлось и тут. Она совершила экспедицию в Сибирь вместо молодого сотрудника, работавшего по этой теме и ушедшего в тот момент в декретный отпуск.

В.Я. Шишков был крупным исследователем сибирских рек. Его изыскания не утратили научного значения и в 21 веке. Быт и нравы местного населения он описал позже в своих книгах. Поездка в Томскую область была предпринята для сбора предметов этнографии этого края.

Никогда не смолкнет слава о приключениях и подвигах тверичанки в Сибири, а культовые и бытовые предметы обихода эвенков, добытые ею, при всех обновлениях экспозиции Музея В.Я. Шишкова будут ее украшением.

В 1974 году мечты музейщиков о создании Музея М.Е. Салтыкова – Щедрина стали реальностью. Областным Комитетом КПСС было принято решение передать музею особняк по улице Рыбацкой, где сатирик жил в начале 60- х гг. 19 века.

Задание было столь серьезно, что в музее был образован отдел литературных экспозиций во главе с Казарской. И опять на пустом месте,

практически с нуля, но теперь уже вместе с молодыми, совершенно неопытными, но горящими энтузиазмом сотрудниками, Казарская стала собирать коллекцию, теперь уже для первого литературного музея в областном центре.

На сборы экспонатов у нас были буквально месяцы. Первые поступления были достаточно однообразны, яркого зрительного ряда они образовать не могли. Кроме того, Салтыков-Щедрин и тогда был писателем, для широкой публики мало известным и мало читаемым.

И тут нам на выручку пришел Ю.Л. Керцелли. Его необычное художественное решение – экспозицию середины 19 века показывать на фоне больших живописных композиций, исполненных в острой современной манере, Людмила Арсеньевна приняла с восторгом.

Открытому в 1976 году музею в январе будет уже 40 лет. Людмила Арсеньевна считала, что он и сейчас хорош и актуален и с горечью отмечала его плохое техническое состояние.

До 80 лет она с большой любовью и трепетом открывала входную дверь. Она всегда говорила, что находиться в музее большое счастье. Всех нас – и тверских, и в филиалах – любила искренне и восхищалась нами. У нее вообще был особый талант видеть в людях по большей части хорошее, приходит от этого в эйфорию. Она никогда и ни о ком не говорила плохо. Когда при ней хорошо говорили о людях, с которыми она работала, она радовалась так, как будто это хвалили ее.

Казалось бы, такая сосредоточенность на музейной жизни исключала жизнь личную. Но в случае с Людмилой Арсеньевной это было не так. Она полностью состоялась как любящая жена и мать, как бабушка 5 внуков и прабабушка 2 правнучек. Она стала главой большой прекрасной семьи, в которой живут замечательные традиции Голодаевых – Казарских. В этой семье есть военные и врачи, биологи и строители дорог – все выросли в атмосфере высокой нравственности, в традициях любви к родине и к делу, которому служишь, в любви друг к другу.

Мы, вторая семья Людмилы Арсеньевны, также стараемся любить и уважать друг друга, продолжать ее дело в музее.

А мне, прожившей рядом с моей музейной мамой почти полвека, очень хотелось бы, чтобы для новых поколений музейщиков она всегда оставалась примером служения русской культуре и музею.

